

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21 – 23 июня 2012

Российский потенциал в действии

**ИЗМЕНЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Панельная дискуссия

22 июня 2012 — 14:45 – 16:00, Павильон 4, Зал 4.3

Санкт-Петербург, Россия

2012

Модератор:

Сергей Нарышкин, Председатель Государственной Думы Российской Федерации

Выступающие:

Эско Ахо, Исполнительный вице-президент по корпоративным отношениям и ответственности, член правления, Nokia Corporation

Анатолий Артамонов, Губернатор Калужской области

Кирилл Дмитриев, Генеральный директор, УК «Российский фонд прямых инвестиций» (РФПИ)

Вячеслав Федорищев, Помощник ректора, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Талия Хабриева, Директор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Дэвид Каменеcki, Вице-президент по корпоративным отношениям, Mars Incorporated

Кайрат Келимбетов, Заместитель премьер-министра Республики Казахстан

Виктор Христенко, Председатель коллегии, Евразийская экономическая комиссия

Алексей Лихачев, Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Игорь Максимцев, Ректор, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Андрей Никитин, Генеральный директор, автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»

Клайд Таггл, Старший вице-президент, глава по связям с общественностью и коммуникациям, The Coca-Cola Company

Джеймс Тёрли, Председатель совета директоров, главный исполнительный директор, Ernst & Young Global

С. Нарышкин:

Добрый день, уважаемые коллеги и друзья! Я рад приветствовать всех вас на Санкт-Петербургском экономическом форуме, на заседании нашего круглого стола, который посвящен анализу инвестиционного климата на постсоветском пространстве.

Эта тема, безусловно, очень интересна с учетом тех процессов и непростых событий, которые происходят на финансовых рынках, в экономике европейских и других стран. Эта тема интересна также с учетом ускорения интеграционных процессов, которые происходят во всем мире, и, может быть, в большей степени — на евразийском пространстве. Вы, конечно, помните, что еще полтора десятка лет назад Россия стояла в конце списка стран, которые претендовали на вступление во Всемирную торговую организацию. А сегодня мы находимся буквально в одном шаге от вступления в самую авторитетную и важную организацию, регулирующую мировую торговлю. Буквально через пару недель в Государственной Думе пройдет ратификация подписанного ранее соглашения о присоединении Российской Федерации к Всемирной торговой организации.

Кроме того, за последние годы Россия вместе со своими партнерами не только сформировала Евразийское экономическое сообщество, но и стала активным участником Таможенного союза и Единого экономического пространства. Эта интеграция уже дала конкретные результаты. Только за прошлый год объем взаимной торговли трех стран, входящих в Таможенный союз — России, Белоруссии и Казахстана, — почти на треть превысил соответствующий объем за предыдущий, 2010 год. Устойчивая тенденция роста торгового оборота в рамках Таможенного союза наблюдается и в этом году.

Должен сказать, что российская сторона на переговорах о вступлении во Всемирную торговую организацию отстаивала позиции не только Российской Федерации, но и Таможенного союза в целом. Все эти шаги направлены на то, чтобы президенты наших стран и предприятия могли активно и

беспрепятственно сотрудничать в решении важнейших экономических проблем. Именно такие, открытые и прозрачные, механизмы сотрудничества должны использоваться и для создания благоприятного инвестиционного климата на постсоветском пространстве, на евразийском пространстве.

Безусловно, само понятие инвестиционного и делового климата является очень емким, и вряд ли нам хватит даже целого дня, чтобы внимательно рассмотреть все его составляющие: любые процессы, любые явления политической, экономической, социальной и общественной жизни влияют на инвестиционный и деловой климат. Тем не менее, мы попробуем рассмотреть, как изменяются ключевые компоненты инвестиционного и делового климата в странах СНГ, как они влияют на развитие социально-экономических процессов в этих странах.

Мой первый вопрос обращен к Татьяне Дмитриевне Валовой, министру Евразийской экономической комиссии по основным направлениям интеграции и макроэкономике. Татьяна Дмитриевна, как я уже сказал, в последние годы процессы интеграции на постсоветском пространстве идут очень активно, особенно в сфере экономики. Лично я считаю переломным моментом события осени 2007 года — это был сентябрь или октябрь, — когда президенты трех стран подписали в Душанбе базовые соглашения о формировании Таможенного союза. Как за прошедшее время изменилась макроэкономическая ситуация на постсоветском пространстве, и как действия по интеграции влияют на изменение этой ситуации?

Т. Валовая:

Спасибо, Сергей Евгеньевич.

Сначала я открою тайну: Сергей Евгеньевич активно участвовал в процессе подписания этих соглашений. Мне кажется, очень хорошо, что сегодняшнюю сессию возглавляет именно он — не просто как председатель Государственной Думы, а как человек, отвечавший в правительстве Российской Федерации за интеграционные процессы в самый важный и

сложный период. Благодаря ему, благодаря работе, проделанной под его руководством, удалось сформировать базу для заключения в 2007 году первых прорывных соглашений.

Путь интеграции у нас всегда достаточно извилист, а движение по нему непостоянно: шаг вперед, два шага назад. Мы сначала принимаем серьезные решения, а затем начинаются опасения: не забежали ли мы вперед, не уступаем ли мы свой суверенитет, не надо ли действовать аккуратней? С решениями 2007 года этого не произошло.

На мой взгляд, нам надо поблагодарить за это глобальный финансовый кризис, который вскоре обрушился на всю планету. Государства евразийского пространства, как и все государства мира, стали искать способы минимизировать последствия этого кризиса, найти дополнительные стимулы роста. Совершенно естественно, что страны будущего Таможенного союза — Россия, Белоруссия и Казахстан — в своих поисках пошли по пути углубления интеграции. Нормативно-правовая база уже была заложена, оставалось ее только доработать и подписать все необходимые соглашения. Так кризис в значительной степени стал повивальной бабкой наших интеграционных процессов.

Дальше начинается другая история: интеграционный процесс имеет собственную динамику, он требует все большей и большей интеграции. Если этого не происходит, случается кризис. События в Европе — яркий пример того, как замедление интеграционных процессов и запаздывание в принятии важных интеграционных решений может обернуться резким кризисом. Очень приятно, что здесь, на Форуме, наши европейские коллеги говорили о том, что выход из нынешней ситуации они видят не в отказе от интеграции, а наоборот, в движении вперед, к более тесной фискальной интеграции, к налоговому союзу и так далее.

Итак, в 2008 году начался кризис, и одновременно пошел процесс практической интеграции. Как оценивать ее макроэкономические показатели? Не будь кризиса, оценивать, наверное, было бы гораздо легче: тогда у нас все

время были бы совершенно одинаковые внешние параметры. Но внешние параметры изменились. Думаю, что если бы не было кризиса, объем взаимной торговли в прошлом году у нас вырос бы не на 30%, а существенно больше.

Приведу пример того, как изменился характер торговли в результате создания Таможенного союза. Темпы взаимной торговли Беларуси и Казахстана растут существенно выше, чем, допустим, темпы взаимной торговли России и Казахстана или России и Беларуси. Россия находится в центре этого интеграционного объединения, она имеет очень тесные связи и с Беларусью, и с Казахстаном. Но Таможенный союз изменил эту ситуацию: два государства — Беларусь и Казахстан — начинают интегрироваться теснее. Другой пример касается привлечения иностранных инвестиций, по которым есть статистические данные. Если взять 2009-й, первый кризисный год, то иностранные инвестиции в экономику Беларуси составляли около 5 миллиардов долларов, а в 2011 году — 13,2 миллиарда долларов: существенный рост, более чем в два раза. В России рост тоже есть, но не такой большой: 36,5 миллиардов долларов в 2009 году, около 53 миллиардов в 2011-м. В Казахстане роста практически нет: думаю, это связано с кризисом и с тем, что объем привлеченных инвестиций в Казахстане был на порядок больше, чем в Беларуси. В 2009 году у них было 19 миллиардов, сейчас около 20 миллиардов.

Беларусь — яркий пример повышения инвестиционной привлекательности членов Таможенного союза. Сегодня инвестор, приходя на территорию одного из наших государств, понимает, что перед ним открывается весь рынок Союза. Раньше, вкладывая средства в экономику Беларуси или Казахстана, инвестор рассчитывал на рынок конкретного государства — 5, 10, 15 миллионов человек, — а сейчас он рассчитывает на рынок в 200 миллионов человек. Это совершенно разный порядок инвестиций. И такие государства, как Беларусь и Казахстан, в плане инвестиционной привлекательности, конечно, выигрывают. Теперь о других важных инвестиционных показателях. Вы знаете, что по условиям ведения бизнеса наши страны не занимают высокие места в

мировых рейтингах. Тем не менее, между тремя странами есть очень существенные различия. По простоте ведения бизнеса Казахстан в рейтинге Doing Business находился в прошлом году на 47-м месте, Белоруссия — на 69-м, а Россия — на 120-м. Огромная разница! И очень хорошо, что благодаря Таможенному союзу и Единому экономическому пространству (ЕЭП), наши страны начинают конкурировать между собой за инвесторов. Инвесторы теперь получают возможность выбрать ту страну, где проще условия ведения бизнеса, где меньше административных барьеров. А поскольку мы внутри Союза не можем выстраивать никаких новых барьеров, то национальные службы — таможенные, санитарные и другие — будут вынуждены заимствовать друг у друга лучшие практики. Это еще один яркий пример того, какие возможности появляются для улучшения инвестиционного климата.

Мы понимаем, что именно нам надо делать сейчас. Ясно, что к 2015 году будет создан Евразийский экономический союз. Много говорится о том, что нового этот союз должен принести в процесс интеграции. Я считаю, что надо очень аккуратно подходить к координации в валютной сфере: не спешить и не повторять чужих ошибок. Что нам совершенно необходимо взять из европейского опыта — это координацию макроэкономической политики, причем не только в плане критериев. Раньше европейцы обсуждали, что такое макроэкономическая конвергенция. Некоторые утверждали, что номинальной конвергенции по валютному курсу, показателям инфляции и так далее достаточно для создания валютного союза. Но многие экономисты говорили: «Неправильно, нужна реальная конвергенция», — и оказались правы. Сейчас мы будем учитывать этот опыт.

Последняя ремарка. Очень хорошо, что рядом с Европейским союзом создается еще одно мощное интеграционное объединение. Всегда хорошо, когда есть два объединения: можно изучать опыт соседей, брать у них лучшее, учиться на чужих ошибках. Конечно, в основном мы заимствуем опыт Европейского союза, но уже сейчас кое-что мы делаем быстрее, чем наши европейские коллеги. Например, евразийские страны приняли решение о

создании антикризисного фонда еще в 2008 году, и в 2009 году он заработал. А соответствующий европейский фонд заработал только в 2010 году, хотя задачи у него те же самые. Обмен опытом между интеграционными объединениями также позволит повысить нашу инвестиционную привлекательность.

Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо за интересное выступление.

Здесь присутствуют наши уважаемые эксперты. В любой момент, после любого из выступлений они могут сделать короткое замечание или задать вопрос, в том числе провокационный или вредный. Чем более провокационным будет вопрос, тем интересней будет наша дискуссия.

Владимир Александрович Мау, у Вас репутация самого большого провокатора. Вы можете свою репутацию оправдать. Я смотрю, Вы уже тянете руку.

В. Мау:

Для меня это новость, но попытаюсь.

Есть ли в планах интеграционного объединения введение единой валюты — с учетом европейского опыта и той дискуссии, которая прошла на Форуме?

Т. Валовая:

Очень хороший вопрос. Я думаю, что в долгосрочных планах любого интеграционного объединения должно предполагаться введение единой валюты. В краткосрочных планах его, конечно, нет, и я согласна с теми, кто говорит, что в ближайшие десять лет спешить с этим не надо.

В этом нет ничего нового. Может быть, присутствующие не знают, что в Евросоюзе хотели ввести единую валюту еще к 1980 году. В Советском Союзе к этому моменту хотели построить коммунизм. Коммунизм в СССР к этому моменту не построили, единую валюту в ЕС тоже не ввели. Ее ввели 20 лет

спустя. Во-первых, должна быть внутренняя потребность. Единую валюту стоит вводить, если это приведет к снижению издержек для бизнеса и окажет благоприятное воздействие на экономику, если государства, которые ее введут, будут соответствовать необходимым критериям. На предыдущей сессии Алексей Леонидович Кудрин говорил: лучше, если будет меньше евро. Действительно, лучше меньше, да лучше. Во-вторых, должны появиться внешние факторы, необходимые для того, чтобы такая валюта была востребована.

С. Нарышкин:

Спасибо, Татьяна Дмитриевна. Мой следующий вопрос к Джеймсу Тёрли, возглавляющему глобальную компанию Ernst & Young. Уважаемый господин Тёрли, Ваша компания работает практически по всему миру, в том числе на постсоветском пространстве. Скажите, насколько изменилось влияние стран постсоветского пространства на мировую экономику за последние годы?

Дж. Тёрли:

Спасибо за вопрос! Мне кажется, в последнее время роль этого региона в мире заметно возросла. Здесь сложилась потрясающая атмосфера. У меня есть опыт сотрудничества с членами российского правительства: более 10 лет я тесно взаимодействовал с премьер-министром, кроме того, возглавлял Консультационный совет по иностранным инвестициям (КСИИ); могу сказать, что на данный момент крупные долгосрочные инвестиции в России делают 40 иностранных компаний.

Они действуют сообща и работают с администрацией премьер-министра и министерствами, обсуждая, что можно сделать в России и в регионе в целом, чтобы повысить эффективность инвестиций в регион, а также сделать его более привлекательным для новых иностранных вложений.

Этот процесс начался 17 лет назад. Я активно участвую в нем последние 12 лет, и за это время на наших глазах произошли колоссальные перемены: мы

видели, как и эти компании, и ряд других осознали пользу от улучшения инвестиционного климата в России.

Думаю, это произошло благодаря открытому обсуждению таких вопросов, как Таможенный союз, миграционная политика, налоговая политика, политика в области энергетики и т.д. Полагаю, иностранные инвесторы еще упомянут здесь о том, как растет мировое значение России и более широкой свободной зоны.

Помимо всего прочего, вчера меня очень обрадовало выступление Президента В. Путина, который сказал, что в тандеме происходят три процесса: приватизация государственных активов, непрерывающаяся работа по улучшению имиджа России в глазах иностранных инвесторов, а главное — дальнейшая поддержка местного предпринимательства и инноваций и назначение омбудсмена, который помог бы в этом и других важных конкретных вопросах.

В данный момент идет процесс приватизации, и государственные компании вынуждены становиться более конкурентоспособными. Этот процесс зачастую приводит к сокращению рабочих мест. Для стимулирования роста числа рабочих мест в равной степени необходимы и местные предприниматели, и прямые иностранные инвестиции. Поэтому я полагаю, что совместная работа, нацеленная на увеличение привлекательности данной зоны и улучшение инвестиционного климата, остается предметом внимания правительства и частного сектора, а это, по-моему, большой успех.

Кроме того, как мы говорили вчера — и далеко не в первый раз, — следующее важное направление – это реформа системы административных барьеров. Если для того, чтобы открыть офис, запустить производство или основать компанию, нужно получить пятьсот разрешений, то это не только неэффективно, но и не конкурентоспособно на мировом уровне и к тому же открывает неограниченные возможности для коррупции. Ни к чему хорошему такое количество барьеров привести не может. Думаю, эту проблему также необходимо решать.

В наличии имеются все инструменты, но надо уметь ими пользоваться. Причем так, чтобы на территории всей зоны работа шла в соответствии с планом.

Мы не сомневаемся, что применение соответствующих инструментов приведет к необходимому результату, и, со своей стороны, готовы всемерно способствовать их применению.

С. Нарышкин:

Спасибо, Джеймс.

Уважаемые участники дискуссии, у нас есть возможность провести опрос на тему: «Насколько изменилось влияние стран постсоветского пространства на мировую экономику?» Я прошу одного из наших экспертов, Ивана Федотова, пояснить, как нам следует поступить сейчас.

И. Федотов:

Уважаемые коллеги, у Вас есть пульта для голосования. Давайте ответим на вопрос, который сформулировал Сергей Евгеньевич. Если вы считаете, что роль стран постсоветского пространства в мировой экономике за последние пять лет изменилась сильно, нажимайте на кнопку «1», если считаете, что она не изменилась, — на кнопку «2». Если не можете ответить, нажимайте на кнопку «3». Сначала нужно нажать зеленую кнопку.

С. Нарышкин:

Владимир Александрович, я попрошу Вас прокомментировать итоги голосования.

В. Мау:

Результаты отражают оптимизм голосовавших. Честно скажу, я нажал на кнопку «2». Мне кажется, эта роль изменилась недостаточно. Но результат получился интересным. Может быть, это отчасти связано с экономическим

кризисом, затронувшим постсоветское пространство меньше, чем развитые страны. Кстати, на нескольких панелях Форума обращалось внимание на то, что страны Центральной и Восточной Европы оказались меньше затронуты кризисом, чем наиболее развитые страны Запада, а те, в свою очередь, — меньше, чем страны Южной Европы.

С. Нарышкин:

Спасибо, Владимир Александрович.

Давайте продолжим нашу дискуссию. Я хотел бы предоставить слово Алексею Евгеньевичу Лихачеву, заместителю министра экономического развития Российской Федерации.

А. Лихачев:

Большое спасибо, уважаемые коллеги.

Наверное, наше министерство отчасти стало штабом интеграции. С одной стороны, в нем готовят ряд решений и проектов решений для правительства, для наших интеграционных объединений. С другой стороны, именно Минэкономразвития, совместно с учеными, экспертами и уважаемым Владимиром Александровичем, готовит предложения или принимает решения, связанные с улучшением инвестиционного климата. Наши министры — и Эльвира Сахипзадовна, и Андрей Рэмович, нынешний министр, — всегда так и ставили задачу: рассматривать интеграционные процессы как серьезную возможность улучшить инвестиционный климат в нашей стране, а значит, и в тех странах, с которыми мы создаем интеграционные союзы. Здесь уже назывались макроэкономические показатели: объемы внешней торговли и инвестиций свидетельствуют об успехах интеграции.

Давайте, кроме того, посмотрим на эту ситуацию по-другому: перейдем с макроуровня на микроуровень, на уровень предприятий. Посмотрим, что именно конкретные предприятия получают, взаимодействуя друг с другом и с государственными институтами на наших территориях. В Зону свободной

торговли Содружества Независимых Государств входят восемь стран и еще одна страна, Узбекистан, готова в нее войти. Это не просто шаг к общему рынку, это окончательное решение о его создании. Речь идет не только о совместной торговле и ликвидации пошлин, но и об унификации технического регулирования, таможенных процедур, методов защиты интеллектуальной собственности — с отсылкой, я подчеркиваю это, к соответствующим базовым соглашениям ВТО.

Таков контур нового соглашения о зонах свободной торговли. Это новое качество интеграции: коллеги, присутствующие в зале, знают, что раньше существовал лишь набор двусторонних соглашений. Первоначальное базовое соглашение — очень короткое, декларативное, — так и не было ратифицировано Российской Федерацией. Сейчас мы получаем совершенно новую базу для взаимной торговли, а также для осуществления инвестиций и решения целого ряда вопросов, о которых я уже говорил.

Ненадолго вернусь к тому вопросу, который поднимала Татьяна Валовая: о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. В моем понимании это абсолютный прорыв, в первую очередь с точки зрения инвестиционного климата.

Я всегда считал, что привлекательный инвестиционный климат создается на пространстве, где действует принцип трех «П»: предсказуемость режима, прозрачность процедур и последовательность реформ. Именно его мы и закладывали во все 17 базовых соглашений о создании ЕЭП. Евразийская экономическая комиссия — уникальный орган, начавший полноценную работу с 1 января этого года, — призвана реализовывать эти принципы. В одной точке сегодня принимаются регулятивные решения, действующие на территории, где проживает 170 миллионов потребителей. Это первое.

Второе: нормативная база и будущие решения связаны с обязательствами стран-участниц по присоединению к ВТО. Все программные документы Таможенного союза и Единого экономического пространства проходили

специальный анализ на соответствие нормам Всемирной торговой организации.

Третье: необходимо создание независимого от правительства регулирующего органа, который мог бы самостоятельно принимать многие решения. Сегодня между бизнесменами России, Белоруссии, Казахстана и комиссией Таможенного союза уже идет диалог относительно регулятивных норм и дальнейших шагов по развитию интеграции в интересах бизнеса трех стран. Поэтому, если рассматривать вопросы экономических реформ и дальнейшей интеграции стран постсоветского пространства на микроуровне, мы сможем ответить на те вызовы, с которыми сегодня сталкиваются предприятия России, Белоруссии, Казахстана, а также наших соседей. Вернусь к ЕврАзЭС. Татьяна Дмитриевна возглавляет рабочую группу по реорганизации ЕврАзЭС. Мы видим, как налаживаются серьезные партнерские отношения, как наши коллеги из Таджикистана и Кыргызстана подключаются к этой работе. Представители Кыргызстана прямо высказали свое пожелание: войти в соответствующую рабочую группу. Думаю, вскоре такое решение примет и Таджикистан. Это значит, что передовой опыт, находящийся в полном соответствии с базовыми принципами, на которых строится мировая торговая система, все больше внедряется на так называемом постсоветском, или евразийском, пространстве: мне больше нравится последний термин.

Теперь посмотрим на проблему инвестиционного климата через призму глобальных вопросов. Я очень хорошо помню дискуссию начала 2000-х годов. Тогдашний генеральный директор ВТО Майк Мур считал рост числа региональных преференциальных соглашений предвестием близкого конца ВТО. Отрадно, что нынешний генеральный директор думает по-другому, полагая, что как раз создание и укрепление региональных интеграционных объединений, действующих в соответствии с базовыми принципами Всемирной торговой организации, обеспечат ее дальнейшее развитие. Во-первых, эти объединения становятся площадками для выработки лучших практик, которые затем будут применяться в мировой торговой системе. Во-

вторых, они уменьшают количество договаривающихся сторон. Всегда легче договориться с несколькими десятками серьезных игроков, чем со 156 или 157 странами.

В этом смысле наше евразийское объединение, на мой взгляд, занимает, с огромным отрывом от всех остальных, второе место после Евросоюза по качеству регулирования и первое место по динамике развития, по динамике имплементации в свою нормативную базу выработанных за десятилетия лучших практик и базовых норм мировой торговой системы. Россия будет являться главным инициатором этого процесса. Вслед за вступлением во Всемирную торговую организацию мы начнем присоединение к ОЭСР, что потребует подстройки всего нашего регулятивного законодательства, всех наших процедур под соответствующие нормы. Я думаю, мы будем двигаться, не снижая скорости.

Подводя итог, хочу сказать следующее: на макро- и микроуровне происходит серьезная активизация предпринимательской деятельности. Большое количество предприятий с российским капиталом регистрируется в Казахстане и наоборот. Белорусские компании активно приходят на российский рынок: это не всем нравится, и по этому поводу звучат разные точки зрения, в том числе в промышленных кругах Российской Федерации. Но это и есть соревновательность, которая объективно ведет к повышению конкурентоспособности, а значит, и к улучшению инвестиционного климата. Именно этого мы так долго добивались, работая над нормативной базой институтов Содружества Независимых Государств, Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Алексей Евгеньевич.

Будут ли у наших уважаемых экспертов вопросы или краткие комментарии относительно выступлений? И вопросы, и комментарии могут быть не только

провокационными. Пожалуйста, задавайте серьезные вопросы, делайте серьезные комментарии. Пока нет? Тогда мы продолжаем нашу дискуссию.

Я хотел бы вернуться к Евразийской экономической комиссии, существующей не так давно, но уже накопившей определенный опыт работы. Хочу задать вопрос министру экономики и финансовой политики Евразийской экономической комиссии, Тимуру Сулейманову: насколько меняется финансовая и экономическая политика государств, образующих Таможенный союз и постсоветское пространство в целом, на фоне тех интеграционных процессов, о которых мы сегодня говорим?

Т. Сулейманов:

Спасибо большое, Сергей Евгеньевич.

Действительно, вопрос очень важный. Те, кто выступал до меня, достаточно много и подробно говорили о том, как интеграционные процессы и инициативы влияют на макроэкономические показатели и на показатели деятельности отдельных предприятий.

Возьму на себя смелость сделать несколько провокационное утверждение. Действительно, с момента образования Таможенного союза торговля товарами внутри него растет ударными темпами, на 30% в год — нигде в мире нет таких темпов роста. Но есть и те сферы, в которых мы отстаем: в частности, это взаимная торговля услугами и взаимные инвестиции. Мы видим, что российские фирмы регистрируют предприятия в Казахстане, казахстанские — в России, те и другие — в Беларуси. Тем не менее, взаимные инвестиции составляют около 10% от общей суммы инвестиций. Это означает, что наши предприятия предпочитают привлекать инвестиции из стран, не входящих в Союз, и инвестировать тоже в эти страны. Конечно, это потеря рабочих мест, потеря налогов, которые уходят в другие страны. Но это и определенный сигнал для крупных инвесторов: видя, что рост взаимных инвестиций и взаимной торговли услугами внутри Союза не поспевает за ростом товарооборота, они выжидают. Пусть, мол, страны-партнеры начнут

инвестировать друг в друга, а затем и мы начнем вкладывать серьезные деньги.

Поэтому перед госаппаратами и предприятиями стран-участниц, а также перед наднациональными органами Евразийской экономической комиссии стоит большая задача: улучшить инвестиционный климат внутри Союза, побудить наши предприятия инвестировать друг в друга. Естественно, многое в этом направлении уже делается. Уже отмечалось, что в рейтинге Doing Business Всемирного банка между нашими странами существует большой разрыв. Конечно, инвестиционная привлекательность зависит от множества факторов: это и емкость рынка, и доступ к финансированию и инфраструктуре, и наличие рабочей силы. Казалось бы, на нашем пространстве все это существует. Но существует и то, о чем говорил уважаемый господин Тёрли, — большое количество административных барьеров.

На мой взгляд, в этой сфере у правительств и наднациональных органов теперь существуют достаточно эффективные рычаги. Чтобы обеспечить нашу страну или огромное евразийское пространство качественной инфраструктурой, нужны десятки лет. Чтобы дать образование людям, подготовить квалифицированную рабочую силу, нужны десятки лет. А для избавления от ненужных административных барьеров необходимы лишь наличие сильной политической воли, хороших исполнителей и, естественно, взаимодействие с бизнесом.

Рассмотрим это на примере Казахстана, раз Казахстан опережает в упомянутом рейтинге остальные страны Союза. В Казахстане волевым решением заставили государственные органы сократить на 30% объем разрешительной документации и лицензируемых видов деятельности. В парламенте сейчас находится проект закона о дальнейшем сокращении, еще на 30%. Проверки теперь могут проводиться только по плану. План проверок готовится в конце года и вывешивается на веб-сайте соответствующего контролирующего органа. Если предприятие не значится в плане на следующий год, а к нему кто-то пришел, это предприятие имеет право не

пускать проверяющих или обратиться в генпрокуратуру либо в местную прокуратуру.

В России тоже предпринимаются серьезные шаги для обеспечения анализа регулятивного воздействия: например, создана должность бизнес-омбудсмана. Это правильные и нужные шаги, и необходимо, чтобы они приносили как можно больше результатов.

Если говорить о Евразийской экономической комиссии, то я бы хотел отметить, что правительства передали ей большое количество функций. Таможенное администрирование, техническое регулирование, установление санитарных и ветеринарных норм, — все это сейчас находится в ведении Комиссии. Решения, которые принимаются Комиссией, обязательны для исполнения всеми государственными органами и всеми предприятиями. На мой взгляд, очень важно, чтобы решимость национальных правительств снизить административные барьеры не была утрачена на уровне комиссий. У нас есть Департамент развития предпринимательской деятельности: он будет производить анализ всех актов, которые принимаются и разрабатываются на уровне комиссий, и анализ регуляторного воздействия, который министерства экономики делают на национальном уровне. Он будет обеспечивать прозрачность и доступ заинтересованных бизнес-субъектов к разработке данных документов.

Резюмирую: без совместной работы правительств и наднационального органа создать привлекательный инвестиционный режим будет сложно. Поэтому я надеюсь, что нас ждет плодотворная работа в этой области. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Тимур Муратович. Есть ли вопросы или комментарии со стороны экспертов? Даже у Владимира Александровича нет вопросов. Хорошо, идем дальше.

Дж. Тёрли:

Позвольте добавить несколько слов. Я полностью согласен с вышесказанным, но нельзя забывать о том, что все рынки, все регионы, все страны и даже все города, развивающиеся высокими темпами, стремятся к одному и тому же. Все они стремятся рационализировать процессы.

В прошлом январе Генеральная организация по инвестициям Саудовской Аравии на одном из своих мероприятий обсуждала показатели, которые свидетельствовали о сокращении числа процедур и шагов, необходимых для начала собственного бизнеса или запуска производства. Не помню подробностей, но число дней сократилось примерно с шестидесяти до двенадцати, а шагов — с девяноста до девяти.

Да, можно говорить об успехах, но при этом надо обязательно сравнивать их с успехами других бурно развивающихся экономик, поскольку такое сравнение также важно для повышения относительной привлекательности.

С. Нарышкин:

Спасибо, Джеймс.

Теперь я хотел бы поговорить о правовой стороне вопроса, о влиянии права на экономику и наоборот. Экономические субъекты действуют в рамках существующего законодательства, и в то же время события и процессы, происходящие в экономике, влияют на развитие права.

Хочу задать вопрос Владимиру Ильичу Лафитскому, заместителю директора Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. Какие новые возможности для развития законодательства открываются в связи с предстоящим вступлением России во Всемирную торговую организацию?

В. Лафитский:

Спасибо.

Российская Федерация смогла преодолеть издержки предшествующего периода исторического развития. В нашей стране достаточно развито

инвестиционное законодательство, идет настройка других правовых регуляторов, в том числе правоприменительной практики, правового сознания, правовой культуры. Такие понятия, как деловая активность, деловая хватка, предпринимательство, уже не воспринимаются как нечто чуждое для нашего государства и общества. Во многом это связано с тем, что Россия стала более открытой для окружающего мира. Вступление в ВТО открывает новые возможности для раскрытия нашего правового потенциала.

Вместе с тем многие проблемы остаются нерешенными. Одна из них — фрагментарность нашего инвестиционного пространства, как на наднациональном, так и на национальном уровне. Мы не используем те преимущества, которые нам дает участие в интеграционных объединениях — СНГ, ЕврАзЭС, Союзе России и Беларуси. У нас общий правовой язык, общие правовые образы, общие правовые механизмы, которые не используются. Вступив в ВТО, мы можем использовать этот потенциал намного более активно.

Вторая важная проблема, которая должна решаться — это совершенствование государственного управления. О нем часто забывают, поскольку мы долго находились в плену рыночной идеологии. Между тем, государство должно усиливать свое присутствие в инвестиционном пространстве. Ни в коем случае нельзя умалять роль государства в регулировании этих сложных процессов. В частности, необходимо расширять зону ответственности государства в сфере образования, в сфере науки, иначе у нас не будет интеллектуальных ресурсов для освоения инвестиций, которые могут прийти в нашу страну.

Еще одна задача — может быть, самая сложная в контексте вступления России в ВТО: мы должны воспитать человека инвестиционного, *homo investitio*, если говорить на латыни. Мы должны воспитать человека, который будет думать не только о собственном благополучии, не только о собственной благополучной старости, не только о достатке своих детей и внуков, но и о благополучии всех окружающих людей. Только тогда цели по привлечению

инвестиций будут полностью достигнуты. Пока этого нет, и не только в нашей стране, но и в других странах. Вступление в ВТО, может быть, подтолкнет нас к решению этих задач.

С. Нарышкин:

Уважаемые эксперты, есть ли вопросы и комментарии? Прошу вас.

А. Костин:

Я хотел бы задать несколько вопросов не только Владимиру Ильичу, но и остальным, тем более, что юридическая терминология уже звучала здесь раньше. В силу специфики своей второй профессии — я международный арбитр — хочу обратить внимание на то, что инвестиционная привлекательность во многом зависит от наличия эффективного и адекватного механизма разрешения споров на макро- и микроуровне. Возьмем Лондон, как международный финансовый центр: государство поддерживает арбитраж, поддерживает альтернативные, негосударственные способы разрешения споров. Это наиболее адекватный механизм разрешения инвестиционных споров между государством и инвесторами, между частными инвесторами и так далее.

В нашем государстве такой поддержки арбитража, как в Лондоне, Стокгольме, Париже, в общем, не наблюдается. Это не мое личное мнение. В последние годы проводились многие опросы, в том числе в Лондоне, в Москве прошла конференция «Россия как место арбитража: за и против». И западные, и восточные, и наши респонденты считают, что у нас многое есть. Есть нормальное законодательство, есть постоянно действующий третейский институт, который я представляю: это МКАС, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России, которому не так давно исполнилось 80 лет. Это наше конкурентное преимущество на постсоветском пространстве. Но люди обращают внимание на то, что нет проарбитражного подхода со стороны государственных судов и других ветвей

власти. Если уделить этому достаточное внимание — а наши авторитетные третейские суды готовы в этом процессе участвовать, — это внесло бы заметный вклад в улучшение инвестиционного климата на постсоветском пространстве. С учетом давней традиции арбитража в России, Москва могла бы быть стать центром разрешения инвестиционных споров на этом пространстве.

Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо. Это был комментарий нашего уважаемого эксперта — Алексея Костина, председателя Международного коммерческого арбитражного суда Российской Федерации.

Господин Ахо хотел бы сделать короткий комментарий. Прошу Вас.

Э. Ахо:

Хотел бы сказать несколько слов по поводу этих законодательных требований и работы законодательной системы, поскольку, хотя здесь я присутствую как представитель компании Nokia, в то же время я — председатель Индустриального консультационного совета Фонда «Сколково».

Мы провели исследование. Мы опросили все 20 — а точнее, на тот момент 19 — крупных компаний, в частности, компании Nokia, Cisco, Intel, Microsoft и несколько российских компаний, и задали им вопрос: что сильнее всего мешает вести бизнес и расширять вашу компанию в России.

Обычно при таких опросах в число основных сложностей входят потребители и выход на рынок. Однако в случае России эти факторы оказались далеко не на первом месте. В списке, составленном по результатам опроса всех 20 компаний, они заняли восьмое место. А на первом месте оказались законодательные требования, законодательная система, законодательные барьеры.

Хотелось бы подчеркнуть роль законодательной основы для всего региона. Выход на рынок, интеграция в него возможны лишь при наличии законодательной базы, соответствующей требованиям международного бизнеса. По моему мнению, эта составляющая важна не только для международных компаний или компаний, выходящих на рынок, но и для роста местных компаний и их выхода на европейский, американский или мировой рынок. И это очень важная проблема.

С. Нарышкин:

Спасибо, господин Ахо, за Ваш точный комментарий

Хотел бы задать вопрос Кириллу Александровичу Дмитриеву, руководителю управляющей компании «Российский фонд прямых инвестиций». Неделю назад, выступая на другом экономическом форуме, председатель правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев предположил возможность создания единой валюты для государств Евразийского экономического союза. Мы сегодня уже обменялись комментариями на этот счет. Какова Ваша точка зрения?

К. Дмитриев:

Я бы хотел кратко ответить на это вопрос, а потом выдвинуть одну идею, которая может быть полезной. Мы общаемся со многими инвесторами и видим у них значительный интерес к Единому экономическому пространству. Безусловно, на каком-то этапе введение единой валюты будет абсолютно правильным решением. Это намного облегчит действия инвесторов. Но сложно ожидать, как уже говорилось, решения этого вопроса в ближайшее время, потому что для этого потребуются устранить множество препятствий. Проблемы, которые возникают в Европе, дают нам возможность учиться на чужих ошибках, не повторяя их.

Еще одна важная мысль, связанная с темой инвестиций, которая много обсуждалась сегодня. Россия имеет значительный потенциал для того, чтобы

стать инвестиционным центром всего Единого экономического пространства. Буквально вчера мы объявили, что фонды, под управлением которых находятся 5 триллионов долларов — BlackRock, Franklin Templeton и Goldman Sachs, — хотят инвестировать на российской площадке при IPO российских компаний и других компаний региона. Биржа становится явным центром притяжения ликвидности в рамках Единого экономического пространства. Поэтому, мне кажется, к единой валюте мы придем, но до этого у нас есть очень хорошая возможность использовать инвестиционную энергию за счет тех наработок, которые есть в России. Мы активно взаимодействуем с суверенными фондами, которые хотят, работая с нами, вкладывать средства в Единое экономическое пространство, потому что им интересен большой рынок. Есть много механизмов, которые позволят развивать взаимодействие еще до того, как будет создана единая валюта.

С. Нарышкин:

Вы хотели раскрыть еще одну тему.

К. Дмитриев:

О второй теме я упомянул. Сделаю небольшую ремарку. В последнее время принято критиковать инвестиционный климат в России. Мы общались с инвесторами, в наш экспертный совет входят ведущие инвесторы мира. Вчера они встречались с Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. У инвесторов гораздо более позитивный подход к этому вопросу, они очень высоко оценили речь президента. Им понятно, что перемещение России со 120-го места на 20-е в рейтинге Doing Business — это важная и понятная цель. «Дорожные карты» Агентства стратегических инициатив — это понятный механизм, позволяющий двигаться вперед.

Итак, ведущие инвесторы мира высоко оценивают то, что у нас происходит. Опять-таки, вчера кувейтский фонд объявил, что вкладывает 500 миллионов в Россию. Соответственно, есть много позитива, о чем тоже важно не забывать.

С. Нарышкин:

Спасибо, Кирилл Александрович.

Кто-нибудь из экспертов хочет прокомментировать это? Прошу Вас.

Н. Доронина:

Мне хотелось бы поддержать оптимистическое настроение и высказать свое мнение по поводу создания единой валюты. Действительно, это задача очень сложная, решать ее нужно поэтапно, с учетом возможностей, которые существуют уже сейчас. Дело в том, что торговые расчеты вполне можно осуществлять в национальных валютах стран постсоветского пространства, если при этом будет работать единый финансовый рынок. На финансовом рынке есть такой сегмент, как валютный рынок, где торгуются валюты. Достаточно сделать несколько организационных шагов, чтобы этот рынок реально заработал. И тогда у нас снимаются барьеры в торговле: я имею в виду расчеты с привязкой к курсу доллара, при которых надо учитывать риск финансовых кризисов и так далее.

По этому пути в свое время уже пошла ММВБ, по инициативе которой была создана Ассоциация бирж стран СНГ. В ней уже ведется работа в интересах предпринимателя. Вот этот шаг будет наиболее реальным, и я думаю, что он найдет поддержку. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо.

Это был комментарий нашего эксперта Натальи Дорониной, заместителя директора Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. Слово предоставляется Михаилу Копейкину, члену правления и заместителю председателя «Внешэкономбанка».

Пожалуйста, Михаил Юрьевич.

М. Копейкин:

Спасибо!

Я хотел бы поддержать Татьяну Валовую. Для перехода на единую валюту прежде всего нужно создать условия. Координация валютной, кредитно-денежной, налоговой и таможенно-тарифной политики должна осуществляться на совершенно ином, более высоком уровне. И только при обеспечении надлежащего уровня координации возможно использование единой валюты.

В настоящее время часто говорят о том, что этой валютой должен быть российский рубль. Здесь имеется опасность, потому что курс рубля достаточно часто меняется в зависимости от колебаний цен на рынке, прежде всего цен на нефть. За последний месяц этот курс упал на 15%. Если брать за основу рубль, это вызовет вопросы со стороны Казахстана и Белоруссии. Опыт Германии показывает: тот, чья валюта используется, подвержен и самому большому риску. Он вынужден действовать, чтобы сохранить эту валюту, вынужден предпринимать эффективные меры по выходу из кризиса. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Михаил Юрьевич

Теперь, после короткой дискуссии о возможности введения единой валюты в рамках Евразийского экономического союза, мы проведем еще один опрос. Вопрос звучит так: повлияет ли введение единой валюты положительно на экономику стран — участниц Евразийского союза и вообще стран постсоветского пространства?

Владимир Александрович, Вам придется дать комментарий. Раз Вы вопросы не задаете, поработайте в качестве эксперта.

В. Мау:

Если можно, я поучаствую в полемике.

С. Нарышкин:

Давайте.

В. Мау:

Я считаю, что результат голосования очень правильный: он говорит о чувстве ответственности собравшихся здесь. Большинство считает, что введение единой валюты скажется на экономике позитивно, но все напуганы европейским кризисом и относятся к этому весьма осторожно.

Я бы добавил от себя, что даже в ЕС введение единой валюты, строго говоря, означало сдачу всех центральных банков на милость Бундесбанку. По большому счету, евро — это две немецкие марки и ничего больше. Возьмем три страны Таможенного союза: если отвлечься от политических соображений и учитывать масштабы экономики, станет ясно, что только рубль может играть роль единой валюты — тем более, что казахская валюта также подвержена колебаниям, из-за большой роли нефтяных ресурсов в экономике. А белорусская валюта, как мы видели в прошлом году, при определенных условиях тоже может колебаться. Правда, после прошлогоднего эпизода белорусская денежная политика стала весьма ответственной.

В политических целях это можно назвать как угодно, но если единая валюта будет, то, конечно, это будет российский рубль, как бы он ни назывался и какие бы картинки на нем ни печатались.

С. Нарышкин:

Спасибо, Владимир Александрович.

Пессимистов в нашей аудитории довольно много, почти треть. Это, очевидно, потому, что опрос был закрытым. Спасибо, коллеги.

На протяжении последних 17 лет обсуждался вопрос о вступлении России во Всемирную торговую организацию. Сейчас он практически решен. Господин

Ахо, я опять вовремя не увидел Вашу поднятую руку. Пожалуйста, Ваш комментарий.

Э. Ахо:

Мне хотелось бы сказать пару слов и о проблеме единой валюты — поделиться своим опытом. Думаю, сегодня все вы, глядя на Европу, задумываетесь, таким ли уж благом для Европы стала единая валюта, и почему еврозона столкнулась с трудностями.

Как мне кажется, существуют две основные проблемы. Первая заключается в том, что единую валюту нельзя навязать политической волей. Она должна основываться на достоверном анализе экономической политики. Во-вторых, целью введения единой валюты не может быть сближение экономик. Сблизить экономики с помощью единой валюты невозможно. Сначала нужно сблизить экономики, а уже потом вводить единую валюту.

На мой взгляд, вот два основных урока, которые мы извлекли из введения евро и из главных ошибок, допущенных в Европе; именно поэтому мы и сталкиваемся сейчас с трудностями.

С. Нарышкин:

Прошу.

Т. Сулейманов:

Я тоже хотел сделать комментарий, потому что вопрос очень интересный. Если такое решение будет принято, скорее всего, Евразийской экономической комиссии придется претворять его в жизнь. Конечно, в данном случае нельзя путать причину со следствием. Для введения единой валюты должен присутствовать ряд факторов. Это, например, как я уже говорил, большой торговый оборот — оборот не только товаров, но и услуг, и инвестиций, чтобы со стороны бизнеса был спрос на единую валюту, чтобы не было валютных рисков, открытых валютных позиций и так далее. Если этот фактор имеет

небольшое значение для экономики страны, тогда, конечно, невелико и значение единой валюты, и рисков, которые эта валюта устраняет. На данный момент это не так.

Если для Казахстана и Беларуси Россия является торговым партнером номер один — не считая Европейского союза в случае Казахстана, — то для России Белоруссия и Казахстан находятся примерно на пятом — шестом месте. Итак, этот фактор еще до конца не возник, галочку мы поставить пока не можем, даже если брать только торговлю товарами. Затем, если единая валюта будет вводиться с учетом европейского опыта, необходима координация бюджетной, налоговой, фискальной политики и так далее. Что это означает? Необходимо иметь одинаковую экономическую структуру, чтобы экономики разных стран одинаково реагировали на одни и те же события. Если одна экономика — сервисная, а другая — сырьевая, то нельзя, допустим, одинаково сильно облагать розницу: на одну страну это повлияет одним образом, на другую — совершенно иным.

Чтобы не повторять европейских ошибок, необходима координация бюджетной политики. Для координации бюджетной политики необходимо, чтобы структура экономики, бюджет, его расходные и доходные статьи были более или менее схожими — или, по крайней мере, откликались на конкретные бюджетные меры сходным образом. Это крайне важно, и я уверен, что здесь нельзя торопиться. Конвергенция должна идти первой, причину и следствие нельзя менять местами.

С. Нарышкин:

Спасибо, Тимур Муратович.

Итак, уважаемые коллеги, вступление России во Всемирную торговую организацию приведет к качественным изменениям в экономике, к установлению иного инвестиционного климата.

В этой связи у меня есть вопрос к господину Тагглу, вице-президенту по связям с общественностью компании Coca-Cola. Господин Таггл, Вы

представляете компанию, которая инвестировала большие средства в экономику Российской Федерации. Как, на Ваш взгляд, иностранные инвестиции влияют на экономическую ситуацию в странах постсоветского пространства? И насколько это влияние может измениться после вступления России во Всемирную торговую организацию?

К. Таггл:

Спасибо за вопрос! Для меня большая честь присутствовать здесь. Уже три года я веду бизнес в России, в Беларуси и в Украине, и мне хотелось бы сделать одно замечание. К сожалению, с помощью этого устройства мы не можем заставить вас проголосовать за то, какой безалкогольный напиток вы предпочитаете. Но лично я уверен — это Coca-Cola.

Если посмотреть в целом на инвестиции, сделанные Coca-Cola на сегодняшний день в эти разнообразные рынки, то можно увидеть порядка 20 заводов, построенных в трех странах. На данный момент объем наших инвестиций превышает 3 млрд. долларов США. В ближайшие годы мы планируем инвестировать еще порядка 3 млрд. долларов США. Думаю, что вступление в ВТО лишь подтверждает то, что компания Coca-Cola и так давно знает: этот регион очень привлекателен для инвестиций.

Если взглянуть на расчеты крупных инвестиций, то уравнение это довольно несложное. Требуется относительно молодое население. Требуется растущий средний класс, что можно наблюдать на данных рынках. Требуется располагаемый доход, свидетельствующий о росте экономики, — и это мы здесь тоже наблюдаем.

В общем, как говорится, все просто как дважды два. Эти рынки будут расти и дальше. Мы будем продолжать делать инвестиции. Мы убеждены: нужно делать все, что только может способствовать созданию более благоприятного инвестиционного климата, в том числе, конечно, вступить в ВТО. И мы пытаемся донести эту мысль до американских законодателей.

Кроме того, что касается перспектив такого бизнеса, как наш, то когда инвестируешь в компанию вроде Coca-Cola и наших партнеров, осуществляющих розлив напитков по бутылкам, на самом деле инвестируешь в международный взаимный фонд. Дело в том, что когда инвестируешь в такие компании, как наша, то инвестируешь и в эти рынки.

Поэтому мы не устаем повторять: если хочешь владеть акциями на рынках России или других стран СНГ, самое выгодное — инвестировать в компании, которые инвестируют в развитие и рост на этих рынках.

Несколько лет назад мы наметили цель: удвоить доходы нашей системы. Эти доходы компании Coca-Cola и ее партнеров, занимающихся розливом, два-три года назад составляли 100 млрд долларов США. К 2020 г. мы планировали удвоить этот показатель.

А вот сможем ли мы реализовать свои планы, определяют именно эти рынки: они либо помогут, либо помешают нам достичь поставленной цели.

Но возможности роста здесь совершенно потрясающие. Я бы сказал, начинать здесь никогда не поздно. Любой иностранный инвестор, который стремится стать игроком мирового уровня, предприятием мирового уровня, добиться успеха на мировом уровне, не может игнорировать эти рынки.

Для такой компании, как наша, работающей в 206 странах, т.е. во всех странах мира, кроме трех (угадайте каких), успех на мировом рынке определяется успехом на этих рынках и, прежде всего, на российском.

Я открыто заявляю об этом. На выходных я поеду в Соединенные Штаты, а в понедельник в Капитолии буду выступать перед Конгрессом и постараюсь убедить конгрессменов в том, что этим рынкам необходимо как можно скорее предоставить необходимые инструменты для вступления в ВТО.

Спасибо!

С. Нарышкин:

Спасибо за Ваше выступление, господин Таггл. Что касается Вашего оптимизма относительно напитка Coca-Cola, то должен признать, что в России

он, действительно, популярен. Но в России есть еще один популярный напиток: это русский квас.

Есть ли у кого-то еще комментарии? Господин Ахо?

Э. Ахо:

У меня уже была возможность высказаться, но сейчас я хотел бы несколько обобщить то, о чем несколько минут назад говорил мой коллега.

Я считаю, что, рассуждая о будущем этих стран, крайне важно учитывать не только физические инвестиции, но и инвестиции в интеллектуальный капитал. Это играет все более важную роль в развитии.

Изначально я занимался мобильными телефонами и мобильными технологиями — эта сфера бизнеса важна сама по себе. Каждый год в нашей отрасли продается более миллиарда устройств по всему миру. В производстве, в разработке программного обеспечения и приложений для мобильных устройств занято огромное количество человек. Но это лишь часть картины, ведь, к сожалению, многие страны не могут участвовать в этой игре.

Однако есть и другая игра, в которой могут участвовать все: это игра, цель которой — извлечь максимум пользы из подобных устройств как в общественном, так и в частном секторе. Заверяю вас, в ближайшие годы мы станем свидетелями революции в этой области. В ней смогут принять участие все без исключения люди на планете. Надеюсь, вы не упустите эти возможности и сделаете в них инвестиции.

Конечно, когда вы хотите сделать инвестиции, то часто сталкиваетесь с законодательными проблемами: защитой прав интеллектуальной собственности, регулирующей средой и требованиями к созданию новой бизнес-экосистемы. Но это просто, ведь для этого не нужны деньги. Нужна лишь надежная регулирующая среда. А дальше все зависит от вас — решать вам. Вам не требуется поддержка извне. Вы сами решаете, что вам делать.

Мы поможем, мы будем рады поделиться идеями и руководящими принципами, но решения вы будете принимать сами.

С. Нарышкин:

Спасибо, господин Ахо. Алексей Лихачев, пожалуйста.

А. Лихачев:

Я бы хотел обратить внимание всех присутствующих на еще один, не столь очевидный, аспект вступления России в ВТО, связанный с инвестклиматом. Мы все время говорим о том, что ВТО для России — это новые правила игры, это апгрейд законодательства, это большая ответственность, связанная, в том числе, с рассмотрением споров в ВТО. Но, кроме того, ВТО — это еще и зеркальный доступ на рынки стран-участниц. Это возможность продвигать наши российские интересы, российские товары и услуги, снимать барьеры как на тех рынках, где мы уже присутствуем, так и на потенциальных рынках. И этот аспект, на мой взгляд, крайне важен сейчас для иностранных инвесторов. В этом смысле Россия может стать для них важным «аэродромом подскока», дорогой для проникновения на растущие рынки Юго-Восточной Азии и на большинство рынков всего Евразийского континента.

Нам еще предстоит осознать, какие возможности и выгоды мы получим от членства в ВТО, если говорить о присутствии России на внешних рынках. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Алексей Евгеньевич. Благодарю за участие в обсуждении. Знаю, что Вас на площадке Государственной Думы ждет горячая дискуссия при ратификации подписанных соглашений, поэтому готовьтесь, пожалуйста.

Продолжая эту тему, я хотел бы обратиться еще к одному эксперту, Валерию Александровичу Фадееву. Валерий Александрович, как, по Вашему мнению, вступление России во Всемирную торговую организацию повлияет на изменение макроэкономической ситуации в странах постсоветского пространства?

В. Фадеев:

Спасибо за вопрос. Но, учитывая, что я вместе с моими коллегами занимал весьма критическую позицию по отношению к процедуре нашего вступления в ВТО, я постараюсь ускользнуть от ответа.

С. Нарышкин:

Ничего, мы вытерпим.

В. Фадеев:

Я хотел бы обратить внимание на то, что мы должны учиться у наших американских коллег продвижению своих продуктов, в данном случае продукции компании Coca-Cola. Уверен, что все здесь являются подписчиками и читателями журнала «Эксперт», но все-таки напоминаю, что подписку на следующее полугодие вы можете оформить на сайте «Эксперта» и получить хорошую скидку. Добро пожаловать.

Хочу предупредить об огромных объективных трудностях на пути дальнейшей интеграции. Напомню, что даже в Советском Союзе, несмотря на огромные усилия по интеграции и обеспечению равномерного развития республик, это развитие оставалось очень неравномерным. У республик была специализация: сельское хозяйство, индустрия, производство вооружений и так далее. Доходы на душу населения могли различаться в полтора раза. После краха СССР проблемы катастрофически усугубились. ВВП Грузии упал на 70%, России — примерно на 40%, ВВП Узбекистана и Белоруссии с их режимами упал меньше, но тоже упал. Довольно многие республики бывшего СССР по душевому доходу не достигли максимального советского уровня — это Грузия, Украина, Молдавия, Киргизия, Таджикистан. В некоторых республиках, конечно, этот показатель уже превзойден, в том числе, к счастью, и в России. Если считать по текущему обменному курсу, доход может различаться в 20 раз: в советское время, напомню, он различался в полтора

раза. Целый ряд государств, не буду их называть, можно считать просто не состоявшимися.

Ситуация драматическая, и надо это осознавать, когда мы говорим о введении единой валюты. Конечно, теоретически мы можем ввести единую валюту в самых сильных странах, например, в России и Казахстане. Но как только мы начинаем говорить об относительно слабых странах, которые хорошо бы вовлечь в процесс интеграции, все это становится абсолютно нереальным. Надо подтягивать эти страны до нашего уровня. Выразусь неполиткорректно: главным фактором интеграции является экономическая мощь России. В конце 90-х годов ВВП России составлял 200 с чем-то миллиардов долларов, сейчас — 1 триллион 700 миллиардов. Это две разные экономики, две разные величины. Если экономика России продолжит расти примерно так, как она росла в течение десяти лет до кризиса, то через 10–12 лет ВВП составит 3,5 триллиона долларов. Я считаю это вполне достижимым.

А 3,5 триллиона — это почти Германия или даже Германия целиком. Владимир Александрович Мау как раз говорил о Европе и Германии. Мы станем объединяющим центром для всех стран вокруг нас. Рынки вырастут в разы, как вы понимаете. Не было бы Германии — не было бы и Евросоюза. И его уже не было бы сейчас, когда возникли проблемы с Грецией и с другими странами. В этом отношении роль России, безусловно, является ключевой.

Один умный и влиятельный человек в Казахстане говорил мне: мы бы, конечно, вступили в таможенный союз с США, но, во-первых, они далеко, а во-вторых, они нас не зовут. Это трезвый подход, не политический, а экономический. Когда наш ВВП составлял 200 миллиардов долларов, о чем можно было говорить? Незачем было вступать в таможенные союзы и образовывать евразийское пространство! И не случайно мотором интеграции являются две самые сильные страны — Россия и Казахстан.

Очень сложная проблема — это Украина. Это большая 50-миллионная страна и, на мой взгляд, было бы правильно вовлечь Украину в интеграционные процессы. Думаю, что проблема здесь политическая. Опять выразусь

неполиткорректно — я журналист, а не дипломат: украинская нация политически не сложилась. Она расколота на две или на три части. Я часто бываю на Украине, веду дискуссии. Основная точка зрения среди элиты там такова: Россия со своими имперскими амбициями хочет чуть ли не поглотить Украину. Мы понимаем, насколько это далеко от реального положения дел, но мало кого удастся в этом убедить, хотя, в общем, дискутировать приходится с неглупыми людьми.

Очень важным фактором и здесь является экономический рост России. Примером для Украины очень долго была Польша, где при вступлении в Евросоюз был относительно высокий среднедушевой доход. Сейчас, если не ошибаюсь, в Польше он составляет тысячу с небольшим евро. Но в России среднедушевой доход очень быстро растет, и похоже, что в обозримой перспективе он превысит польский. Предполагаю, что тогда прагматичные обыватели повернутся с запада на восток. Они увидят, что есть другой пример, есть страна, которая развивается быстрее, чем периферия Западной Европы — в данном случае Польша. Очень важно показать, что мы на своем пути развития можем достигать высоких темпов роста и высоких доходов.

Украинская элита должна понять, что интеграция — это более уверенный экономический рост, это страховка во время кризисов. Татьяна Дмитриевна сказала, что кризис позитивно повлиял на интеграцию. Это понятно. Есть куда обращаться за деньгами, когда стоишь на грани катастрофы, есть сосед, который может помочь. Именно это произошло с Беларусью, когда у них в прошлом году были, мягко говоря, проблемы. Что бы с ними было без России? Куда бы они пошли? Думаю, интеграция начнется, если украинская элита поймет, что интеграция — это путь к созданию украинской политической нации, к преодолению раскола между востоком и западом страны. Я думаю, что они быстро двинутся в нашу сторону.

О том, что касается вступления в ВТО: чего тут бояться? Я помню первые разговоры о ВТО. Году в 2000-м состоялся большой форум Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), на котором присутствовал

Владимир Владимирович Путин. На форуме выступал Мордашов, тогда отвечавший в РСПП за проблемы вступления в ВТО, и он сказал: «Это проблема имеет огромный вес. Цена очень велика. Цена проблемы — 4 миллиарда долларов». Что такое сегодня 4 миллиарда долларов? У нас в течение торгового дня из одних банков в другие может перетекать и 5, и 10 миллиардов долларов.

Заканчиваю свое выступление. Мощь экономики — вот что самое главное. Если мы продолжим наращивать мощь нашей экономики, то, безусловно, интеграция на постсоветском пространстве будет идти успешно и быстро. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Валерий Александрович. Послушаем комментарии экспертов. Игорь Максимцев, ректор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. Пожалуйста.

И. Максимцев:

Уважаемые коллеги, я абсолютно уверен: для успешной интеграции внутри Евразийского союза необходимо, чтобы интеллектуальная интеграция, развитие общего интеллектуального рынка шли более быстрыми темпами. Мы прекрасно понимаем, что без подготовки кадров, без хорошего образования инвестор не придет в эту страну, что не будет динамичного движения вперед в рамках того или иного союза. Я думаю, Россия должна сыграть ведущую роль в развитии связей между университетами всех государств Союза. Спасибо.

С. Нарышкин:

Сергей Воробьев. Прошу Вас.

С. Воробьев:

Спасибо. Я хотел дождаться выступления Андрея Никитина, но уже поздно.

С. Нарышкин:

Дождемся.

С. Воробьев:

А потом будем быстро расходиться?

Я бы хотел жить в Евразийском союзе, но живу я в совершенно другой стране. Здесь говорилось о климате для денег, для законодательства, но не для людей. А людям, если кто не знает, в России холодно. В России холодно — это первое, что вспоминается американцам, если спрашивать их про Россию. В Казахстане чуть теплее, поэтому он на 40-м месте по рейтингу Doing Business, а мы на 120-м: в среднем получается 70-е место.

Короче говоря, люди — это наш самый незадействованный ресурс. Войну за таланты мы безнадежно проигрываем, о чем деликатно сказал Тимур. Можно помечтать о единой валюте или еще о чем-то, но вот такие надстроечные вещи все равно должны быть: надо сначала пройти школу, потом университет, потом академию. Прекрасно сказал Валерий: сильная экономика без экономики образования никак не состоится, лучшими практиками нам обменяться не удастся.

Конечно, хорошо, что у нас есть единое таможенное пространство. Наш рынок и так уже один из крупнейших в Европе, но почему-то людям от этого не лучше. Мне резануло слух питерское словечко «сотворчество», которое Вы отпустили в Думе. Очень хотелось бы, чтобы в Думе занялись сотворчеством, направленным на улучшение климата для человека, чтобы ему у нас стало теплее.

С. Нарышкин:

Спасибо, Сергей, за хороший совет. Вы предлагаете не мечтать, но я все-таки помечтаю, В этой связи хочу задать провокационный вопрос Татьяне Дмитриевне или Тимуру Муратовичу. Два или три дня назад я выступал в

Москве, в клубе послов, есть такой клуб, на встрече с руководителями дипломатических представительств соседних с Россией стран: выступал, отвечал на вопросы, и в том числе на вопросы о перспективах развития евразийской интеграции. При ответе на вопрос посла Польши мне пришла в голову шальная мысль: нельзя исключать, что рано или поздно в Таможенный союз вступят и наши западные соседи, в том числе Польша. Это будет логично: Польша имеет общую границу с Таможенным союзом, поскольку граничит с Беларусью. Татьяна Дмитриевна, Тимур, как вам мой провокационный вопрос? Такие мысли посещают вас, как министров Евразийской экономической комиссии?

Т. Валовая:

Они посещают нас уже давно, но я считаю, что формат будет другим. Не думаю, что Польша, Литва или Франция вступят в наш Таможенный союз: они члены другого таможенного союза и вряд ли будут менять один союз на другой. А вот то, что наши два союза, Евразийский экономический союз и Европейский союз, создадут некое новое образование — это точно. Все эти дни мы как раз говорили о том, будет ли у нас общее экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока или, наоборот, от Владивостока до Лиссабона. Нет разницы, как мы будем называть его, «Большой Европой» или «Широкой Евразией»: все равно это большое пространство будет располагаться в Евразии.

Сергей Евгеньевич сказал, что мы все романтические люди, что мы философствуем. Я хочу развить мысль по поводу разных символов нашей интеграции, которую уже высказала на вчерашней сессии: там было не очень много времени, и я не смогла продолжить дискуссию. Коллеги говорили прямо, не стесняясь: очень неудобно признавать, что в центре европейской интеграции находится Бундесбанк и что он управляет всей европейской финансовой системой. Я хочу вас успокоить: это вполне политкорректно. Географический центр нынешнего Европейского союза, состоящего из 27

государств, лежит совсем рядом с Франкфуртом, рядом с бывшим Бундесбанком а ныне — Европейским центральным банком. Вот он, центр Европейского союза. Это символ того, что у евро все будет хорошо.

А что касается центра нашего Союза, я совсем недавно узнала, где он находится. Это далеко и от Москвы, и от Минска, и от Астаны. Но название этого места вы все прекрасно знаете: это удивительное, загадочное место далеко на востоке, где Земля встретила посланца из космоса: то ли Тунгусским метеоритом, то ли кометой. Поэтому у нас такая загадочная, непознанная евразийская натура, поэтому у нас такое огромное пространство, которое мы будем развивать.

С. Нарышкин:

Спасибо, Татьяна Дмитриевна. Тимур Муратович, что-нибудь добавите?

Т. Сулейманов:

Я, наверное, хотел бы выразить свое согласие с обоими комментариями. Несколько слов по первому, насчет взаимодействия с нашими соседями как на Востоке, так и на Западе. Естественно, Таможенный союз — это достаточно высокий уровень интеграции. Польше и другим странам, которые уже состоят в Евросоюзе, конечно, будет сложно строить отношения с нами в рамках Таможенного союза. Тем не менее, договор о зоне свободной торговли через несколько лет сможет стать реальностью. Наверняка все знают, что у нас ведутся переговоры с Европейской ассоциацией свободной торговли, куда входят четыре европейские страны, тоже создавшие таможенный союз. Это переговоры о создании зоны свободной или преференциальной торговли. Ведутся переговоры также с Новой Зеландией и с Вьетнамом. Наше интеграционное объединение будет взаимодействовать со странами и Востока, и Запада.

По второму комментарию. Не знаю наверняка, как к этому вопросу относятся в Беларуси, но в Казахстане достаточно четко понимают, что географическое

положение России, ее историческая роль, ее экономическая мощь делают из нее лидера интеграции. От этого никуда не деться. У нас к этому относятся достаточно спокойно, как к объективному факту. Поэтому не должно быть каких-либо оглядок на политес.

Самое главное, на мой взгляд, — чтобы не было младших и старших партнеров. Естественно, существуют объективные обстоятельства: экономическое и политическое влияние, военная мощь и так далее. Но для того, чтобы что-то состоялось, для того, чтобы взаимное доверие, которое мы долго копили, не потерялось и не девальвировалось, нужно обеспечить равенство в отношениях.

С. Нарышкин:

Спасибо. Пожалуйста, господин Ахо. Вы самый активный из числа экспертов: это я сказал в качестве упрека Владимиру Александровичу Мау.

Э. Ахо:

Позвольте сделать одно маленькое замечание. Когда я вас слушал, у меня сложилось впечатление, будто все вы ожидаете, что рост и развитие пойдут сверху вниз. Однако на самом деле все иначе. Они идут снизу вверх.

Взаимодействие сверху вниз необходимо только для обеспечения процессов, идущих снизу вверх. Думаю, именно здесь мы ошиблись, когда вводили единую европейскую валюту.

Взгляните на Финляндию и Швецию — две страны примерно одного размера, расположенные рядом друг с другом. И экономические показатели у них примерно одинаковы. И это несмотря на то, что Финляндия входит в еврозону, а Швеция — нет.

Все дело в продуманной экономической политике обеих стран, и процессы, идущие снизу вверх, в обеих странах примерно одинаковы.

Думаю, очень важно помнить, что сама по себе вертикаль, ориентированная сверху вниз, никогда не обеспечит роста и процветания.

С. Нарышкин:

Спасибо. Нельзя обидеть ни одного из участников дискуссии. Поэтому мой вопрос обращен к Андрею Никитину, руководителю Агентства стратегических инициатив. Андрей, я могу предположить, что перед Агентством стоят амбициозные задачи, и практически все они в той или иной степени связаны с улучшением делового климата. Скажите, какими инструментами Вы предполагаете пользоваться, и как действия Агентства смогут повлиять на ситуацию в постсоветских странах?

А. Никитин:

Спасибо большое, Сергей Евгеньевич.

Уже говорилось о том, что 120-е место России в рейтинге Doing Business, самое низкое среди стран Таможенного союза, создает для нас риски с точки зрения выбора площадок для строительства новых предприятий. Но во время нашей работы выяснилось вот что: когда рейтинг ухудшается, настроение предпринимателей тоже ухудшается. А вот связь между подъемом в рейтинге и улучшением инвестиционных настроений, к сожалению, не такая прямая. Иными словами, инерция достаточно сильна: нельзя просто подняться в рейтинге Doing Business и ожидать, что у нас появятся инвестиции, везде и много.

Поэтому, когда мы формулировали задачи Национальной предпринимательской инициативы, то в первую очередь ориентировались на потребности российского бизнес-сообщества и только во вторую очередь — на позицию Всемирного банка. И, конечно, мы сразу старались учитывать новую реальность в лице Таможенного союза и ту работу, которая неминуемо будет проделана на наднациональном уровне.

Кратко расскажу об отдельных «дорожных картах». Некоторые из сделанных нами карт связаны с рейтингом. Это, например, «дорожная карта» по упрощению таможенных процедур, которые влияют на рейтинг Doing Business.

Она получилась довольно радикальной, и уже в течение первых месяцев ее реализации мы неминуемо обратимся в комиссию Таможенного союза, потому что это касается совместных интересов наших стран. Эта карта, призванная оказать поддержку экспорту, все-таки делалась с прицелом на ВТО и на защиту наших экспортеров, особенно из числа предприятий малого и среднего бизнеса: правилами ВТО, насколько я знаю, это позволено. Руководителем группы был Петр Фрадков из компании «ЭКСАР». Мы надеемся, что здесь мы сможем открыть какие-то новые горизонты для наших коллег.

Были две или даже три «карты», которые не связаны с рейтингом, но мы их считаем принципиально важными. Первая — это «карта» по доступу инновационного малого и среднего бизнеса к закупкам компаний с госучастием. Мы рассчитываем получить результат по ней ближе к осени. И в России, и в Казахстане, и в Беларуси доля государства в экономике очень велика. И если мы хотим создавать драйверы для инноваций, мы должны свести малый инновационный бизнес с госкомпаниями или компаниями с госучастием: последние должны через свою закупочную политику стимулировать рост инновационных компаний.

Вторая «карта» связана с качеством реагирования госорганов на запросы среднего и малого бизнеса. Это так называемая «карта красной кнопки»: как быстро мы можем отвечать на сигналы о нарушениях? Эту карту мы будем создавать в сотрудничестве с бизнес-омбудсменом, и при помощи тех инструментов, которые сейчас предлагает открытое правительство. По сути, мы хотим поменять концепцию электронного представительства ведомств. Мне кажется, это достаточно важно.

И наконец, еще одна «карта», самая стратегическая, выполнение которой рассчитано на долгий срок. Думаем, что к декабрю она будет готова. Это «дорожная карта» национальной системы компетенций и квалификаций. Благоприятного инвестклимата не может быть без компетентных кадров. В долгосрочной перспективе это, наверное, важнее всего. И здесь большое спасибо нашим казахским коллегам: мы активно используем их опыт

внедрения программ глобального образования и рассчитываем, что такая же программа в России будет интегрирована в нашу «дорожную карту».

Надеюсь, что наша работа может быть полезна для наших коллег и способствовать улучшению инвестклимата на территории Таможенного союза, а может быть, и на всем постсоветском пространстве. Украина довольно активно ею интересуется. Базовым условием своей работы мы сделали участие предпринимательского сообщества в разработке «дорожных карт» с самого начала. У предпринимателей изначально было право вето. Каждая «дорожная карта» — я могу говорить об этом абсолютно уверенно — поддержана предпринимательским сообществом и реально отвечает его запросам: ну, может быть, поддержана не на 100%, но по большей части. Около 200 человек принимало участие в этой работе, состоя в рабочих группах, и 22 000 участвовало через Интернет благодаря краудсорсинговой площадке.

В общем, это не просто слова, не просто теория, и мы можем с коллегами обменяться опытом по улучшению инвестклимата. На самом деле инвестклимат существует в голове предпринимателя и нигде больше: его нет ни в законах, ни в решениях правительств. Если у предпринимателя есть уверенность, что инвестклимат хороший, он будет инвестировать. Поэтому важно сделать предпринимателей союзниками на самом первом этапе. Так мы видим свою задачу, так мы пытаемся строить свою работу. Большое спасибо Министерству экономического развития, которое нам помогло: такой равноправный диалог между предпринимателями и ведомством, который получился у нас, наладить трудно.

Что хотелось бы сказать о наших новых задачах? У нас есть две задачи, к которым мы сейчас подступаемся. Первая — это «дорожная карта» по защите прав инвесторов, о чем коллеги-эксперты уже говорили. Есть два механизма такой защиты: с одной стороны, это судебная система и система арбитражей, как государственных, так и не государственных, с другой стороны —

институциональные финансовые гарантии. В этой работе мы рассчитываем на экспертную поддержку Фонда прямых инвестиций.

Вторая и самая главная задача связана с тем, что уже готовы первые «карты». Надеюсь, что в ближайшее время они будут утверждены распоряжением правительства. Необходимо реализовать их на практике. А сделать это можно только одним способом: организовав прямой, публичный, открытый мониторинг реализации каждого положения «дорожных карт» со стороны отечественных предпринимателей и, может быть, предпринимателей из других стран Таможенного союза. Если люди будут видеть, как меняется ситуация, и сами участвовать в ее изменении, можно рассчитывать на изменение их предпринимательского поведения. Эту работу у нас возглавит Артем Аветисян, директор направления «Новый бизнес», и я думаю, что это станет главным залогом успеха. Спасибо большое.

С. Нарышкин:

Спасибо, Андрей Сергеевич.

Уважаемые коллеги, я смотрю, почти никто не уходит и внимательно следит за дискуссией. Тем не менее, нам нужно ее завершать. Буквально по полминуты — для кратких комментариев со стороны экспертов, а затем мы с Владимиром Александровичем Мау подведем итоги дискуссии. Пожалуйста, Сергей Воробьев.

С. Воробьев:

Я поэтому и хотел выступить после Андрея. Теперь стало намного теплее: человек появился. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо. Владимир Александрович, наша задача — подвести итоги. Прошу Вас.

В. Мау:

Спасибо, Сергей Евгеньевич.

Я тоже все время оборачиваюсь и смотрю: никто не уходит. Вот итоги нашей дискуссии.

Первое: интеграция состоялась и это очень важно, потому что она прошла три этапа. В начале 90-х казалось, что, пусть даже Советский Союз формально распался, дезинтеграции не может быть, потому что этого не может быть никогда. Хочу напомнить, что МВФ и Всемирный банк категорически советовали нам не отказываться от единой валюты. Единая валюта была упразднена нами почти насильственно, поскольку мы не хотели иметь 13 центральных банков, печатающих одну и ту же валюту, а именно к этому шло дело в начале 1992 года.

Второе: интеграция состоялась вовремя. Способствовал ли интеграции европейский кризис — вопрос дискуссионный. Но главное, что уроки Европы оказались исключительно важны для нас: это касается и разносторонней интеграции, и соотношения денежной и бюджетной политики, и выравнивания законодательства. Нам как будто специально показывают путь развития. Но есть одна оговорка: европейский кризис не должен замедлять нашу интеграцию. У нас больше оснований для более интенсивной интеграции, чем та, которая шла в рамках ЕС. Основная задача ЕС все-таки изначально заключалась в том, чтобы не допустить большой европейской войны. Мы не предусматриваем войны, скажем, между Россией, Казахстаном и Беларусью, с одной стороны, и Украиной — с другой. В этом смысле мы идем по более простому пути.

Третье. Очень важная проблема — взаимодействие между ЕС и нашим пространством. Как эксперт и как человек я абсолютно убежден, что будущее — за общим рынком. Речь идет обо всех четырех свободах: о свободе движения товаров, капитала, труда и знаний, интеллектуальной собственности. И в этом смысле будущее, условно говоря, за норвежским типом межгосударственных отношений: отсутствие политического

объединения при наличии общего экономического пространства и общих принципов законодательства. В этом смысле не только мы должны принять европейские стандарты: скажем, наша сельскохозяйственная или социальная политика выглядит гораздо более взвешенно, чем европейская. Здесь мы сейчас занимаем более разумную, более современную позицию, чем Европа. И последнее: пространство человеческого капитала, о котором говорил Сергей. Мы должны это обсудить это отдельно, например, если Сергей Евгеньевич предложит через год провести что-то подобное. Ситуация здесь гораздо более сложная, чем может показаться. Хорошо, конечно, говорить о глобальной образовательной инициативе. Я всегда был ее сторонником. Но, продолжая начатую вчера дискуссию с министром образования, я настаиваю: если вы хотите хорошего образования, должен быть спрос на хорошее образование. Если хотите хорошего здравоохранения, должен быть спрос на хорошее здравоохранение. Если вы делаете так, что все талантливые люди учатся в лучших зарубежных университетах и лечатся в лучших зарубежных клиниках — это значит, что спроса на хорошие университеты и на хорошее здравоохранение здесь не будет. Нам нужна очень тонкая, очень осторожная политика по формированию единого пространства человеческого капитала.

С. Нарышкин:

Спасибо, Владимир Александрович, за такое профессиональное подведение итогов дискуссии.

Я хочу сказать о двух вещах. Во-первых, обсуждение вопросов, которые стояли у нас в повестке дня, подтолкнуло меня к решению создать совет по инвестициям при председателе Государственной Думы. Этот совет будет постоянно действующим консультативным органом, который обсуждает и перерабатывает предложения, поступающие от экспертного сообщества, и трансформирует эти предложения в соответствующие нормы законодательства. Я просил бы Кирилла Дмитриева возглавить вместе со мной эту работу, если нет возражений. А во-вторых, я хотел бы поблагодарить

всех докладчиков за интересные выступления, а также всех экспертов. Прошу присоединиться ко мне в этом. Спасибо всем.